

Последний слушатель

Игорь Захаров

Последний слушатель

<https://litres.ru/73534598>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это литературное произведение философская притча, разделённая на четыре части и финал. В центре сюжета судьба старого композитора, потерявшего слух, и его музыка, которая становится мостом между мирами, эпохами и людьми.

- Музыка как универсальный язык: она объединяет живых и мёртвых, здоровых и особенных, прошлое и будущее.

- Сила творчества: даже в изоляции и страдании искусство способно менять мир.

- Преодоление одиночества: герои находят друг друга через музыку, преодолевая страх, боль и отчуждение.

- Слушать тишину: умение воспринимать не только звуки, но и вибрации, эмоции, память ключ к настоящей жизни.

Содержание

Часть первая. Ода в тишине	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Игорь Захаров

Последний слушатель

Последний слушатель

Часть первая. Ода в тишине

Всю свою жизнь он писал музыку для других, но теперь, когда звуки покинули его, он писал только для себя. Вернее, для Неё.

Старый композитор жил на окраине города, в доме, который давно забыл ремонт. Глухота наступила не вдруг, а подкралась, как вор, отнимая сначала высокие ноты, потом шепот скрипок, а затем и весь мир. Соседи давно перестали здороваться – его странный вид, вечно взлохмаченные седые волосы и глаза, которые смотрели сквозь тебя, пугали людей. Он был покинут всеми: ученики ушли, жена умерла, друзья перестали навещать.

Но каждую ночь, ровно в полночь, он садился за расстроенное пианино.

Он не слышал ни единого звука. Молоточки били по струнам безмолвно для него, но он чувствовал музыку кожей, кончиками пальцев, всем телом. Он сочинял свою «Оду к радости». Не ту светлую и ликующую, что написал когда-то Бетховен. Его ода рождалась в тишине и была похожа на молитву обезумевшего человека, который хочет докричаться

до Бога.

Он записывал ноты дрожащей рукой, сгибаясь над свечой, и клавиши под его пальцами иногда начинали светиться слабым голубоватым светом. Он думал, это от усталости.

В ту ночь была гроза. Ветер бил в ставни, и старый композитор, как обычно, сидел за инструментом. Он играл финал. Самый трудный, самый пронзительный аккорд, который должен был соединить небо и землю, стать криком его израненной души.

Его пальцы опустились на клавиши.

И в этот момент он услышал.

Нет, не ухом. Всем своим существом. Вибрация прокатилась по позвоночнику, ударила в затылок и взорвалась перед глазами ослепительной вспышкой. Дом задрожал. С потолка посыпалась известка, но он не останавливался. Он играл громче, яростнее, вкладывая в музыку всю боль одиночества, всю горечь потери слуха, всю тоску по людям, которые его бросили.

Когда он ударил в последний раз, наступила тишина. Но какая-то странная, живая тишина.

Композитор открыл глаза и замер.

В комнате, там, где должна была быть стена с облупившимися обоями, зияла чернота. Холодная, звездная пустота. А из этой пустоты на него смотрели. Сотни пар глаз. Прозрачные, светящиеся фигуры людей заполнили его убогую каморку. Они стояли плечом к плечу, теснясь, как в концертном зале.

Он узнал их. Соседский мальчик, умерший от дифтерии двадцать лет назад. Его первая учительница музыки, сгоревшая от чахотки. Мать, которую он потерял в детстве. Толпа безмолвных призраков.

Среди них стояла и Она – его жена, в том самом платье, в котором он видел её в последний раз.

Она улыбнулась и одними губами произнесла: «Мы слышим».

Композитор хотел закричать, но голоса не было. Он понял, что его музыка, которую он создавал в полной тишине, не исчезла бесследно. Она стала мостом. Мостом между миром живых и миром мёртвых. Ода радости, которую он писал в слезах и отчаянии, была услышана теми, для кого вре-

мя и расстояние больше не имеют значения.

Призраки начали таять, растворяясь в черноте. Последней исчезла жена. Но прежде чем растаять, она коснулась рукой его лица. Он не почувствовал прикосновения, но на секунду ему показалось, что мир наполнился звуками: смехом детей, звоном посуды на кухне, шелестом листвы – всеми звуками потерянной жизни.

Когда рассвело, соседи долго не решались войти в дом. Дверь была не заперта. Старый композитор сидел за пианино, уронив голову на клавиши. Лицо его было спокойно, и на губах застыла лёгкая улыбка.

На пюпитре лежали ноты. Последняя страница была чистой, если не считать одной фразы, выведенной дрожащим почерком в самом низу:

«Теперь я слышу всё».

Говорили, что в ту ночь, во время грозы, люди за несколько кварталов от его дома слышали странную, прекрасную музыку, хотя в доме композитора не было радио, а сам он был глух, как стена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.